

АВТОБИОГРАФИЯ  
**МЭТТЬЮ ПЕРРИ**

**Друзья, любимые и одна  
большая ужасная вещь**

предисловие Лизы Кудроу

АВТОБИОГРАФИЯ  
МЭТТЬЮ  
ПЕРРИ



АВТОБИОГРАФИЯ  
**МЭТТЬЮ ПЕРРИ**

**Друзья, любимые и одна  
большая ужасная вещь**

предисловие Лизы Кудроу

*Всем страждущим там.  
Ты знаешь, кто ты есть.*

*Лучший выход — прямо,  
сквозь все препоны.*

Роберт Фрост

*Просто помоги мне прожить  
следующий день.*

Джеймс Тейлор

# СОДЕРЖАНИЕ

---

Предисловие Лизы Кудроу .....	9
Пролог .....	12
1. Вид из окна .....	29
ИНТЕРЛЮДИЯ. Нью-Йорк .....	63
2. Еще одно поколение спускается в ад .....	69
ИНТЕРЛЮДИЯ. Мэтман .....	94
3. Багаж .....	100
ИНТЕРЛЮДИЯ. Мертвый .....	131
4. Похоже, я здесь уже бывал... ..	141
ИНТЕРЛЮДИЯ. Зум .....	168
5. Без четвертой стены .....	169
ИНТЕРЛЮДИЯ. Дырки .....	214
6. Брюс Уиллис .....	215
ИНТЕРЛЮДИЯ. Все небеса вырываются на свободу .....	242
7. Польза «Друзей» .....	252
ИНТЕРЛЮДИЯ. Карманы .....	278

8. Одиссея .....	281
ИНТЕРЛЮДИЯ. Травматологический лагерь .....	299
9. Трое — это не компания, трое все разрушат .....	302
ИНТЕРЛЮДИЯ. Насилие в Голливуде .....	314
10. Одна большая и ужасная вещь .....	318
ИНТЕРЛЮДИЯ. Место для курения .....	353
11. Бэтмен .....	369

# ПРЕДИСЛОВИЕ

---

*Лиза Кудроу*

— А как дела у Мэттью Перри?

Прошло много лет с тех пор, как мне впервые задали этот вопрос; были времена, когда этот вопрос мне задавали чаще других. И я понимаю, почему так много людей спрашивали именно об этом: они любят Мэттью и хотят, чтобы у него все было хорошо. Я тоже этого хочу. Но меня всегда раздражали подобные вопросы представителей прессы, потому что я не могла им ответить так, как хотела: «Слушайте, это его история, и я не имею права о ней рассказывать, не так ли?» А еще мне хотелось сказать: «Тут речь идет о вещах очень личных, интимных, и если вам о них рассказывает не сам человек, то, на мой взгляд, это будут сплетни, а я не желаю сплетничать с вами о Мэттью». Но, понимая, что, отмалчиваясь, я могу причинить Мэттью еще больший вред, я иногда говорила просто: «Думаю, у него все хорошо». По крайней мере, такой ответ не привлекал лишнего внимания к Мэттью и, возможно, давал ему еще немного уединения — а оно было ему очень нужно для того,

чтобы справиться с болезнью. Правда, говоря на чистоту, я не была уверена в том, что с Мэттью все в порядке. В своей книге он расскажет вам о том, почему держал все это в секрете. Ему потребовалось некоторое время, чтобы почувствовать себя достаточно комфортно и рассказать нам о том, через что ему пришлось пройти. На самом деле, за все эти годы я ни разу не пыталась откровенно поговорить с ним и вообще не вмешивалась в его дела. То немногое, что я знала о его зависимости, — это то, что не в моей власти сделать его трезвенником. И все же иногда я размышляла о том, правильно ли поступаю, когда ничего не предпринимаю. Вскоре я поняла, что его болезнь постоянно подпитывала себя, и, значит, определенно будет продолжаться.

И тогда я просто сосредоточилась на воспоминаниях о Мэттью, человеке, который умел смешить меня до колик каждый день, а раз в неделю доводил меня до слез так, что у меня перехватывало дыхание. Я вспоминала того Мэттью Перри, который был очень умен, обаятелен, мил, чувствителен и при этом очень рассудителен и рационален. И этот парень вместе со всем тем, с чем он боролся, снова находился рядом со мной. Это снова был тот самый Мэттью, который в самом начале работы смог поднять нас всех после изнурительной ночной съемки сцены у фонтана, которая стала фоном заставки сериала. «Что-то я уже не могу вспомнить того времени, когда меня не было в фонтане! Мы что, всегда были мокрыми?» (Именно благодаря Мэттью во вступительных титрах мы все сидим в этом фонтане и смеемся.)

После окончания съемок «Друзей» мы редко встречались с Мэттью, и я не могла даже предположить, как он себя чувствует.

Из этой книги я впервые узнала о том, каково это — сражаться с такой зависимостью и суметь выжить. Конечно, Мэттью кое-что рассказывал мне, но не в таких деталях. Теперь он впускает всех нас в свою голову и свою душу и рассказывает о своей жизни — откровенно и во всех подробностях. Наконец настал тот момент, когда никому не нужно спрашивать ни меня, ни кого-либо еще о том, как обстоят дела у Мэттью Перри. Он сам вам об этом расскажет.

Я знала, что он пережил невероятные страдания, но понятия не имела о том, сколько раз он стоял на грани жизни и смерти. Я рада, что ты с нами, Мэтти. Желаю тебе добра. Я тебя люблю.

*Лиза*

## ПРОЛОГ

---

Привет! Меня зовут Мэттью, хотя вы можете знать меня под другим именем. Друзья зовут меня Мэтти.

Вообще-то, я уже должен был умереть.

И, если хотите, можете считать то, что собираетесь прочесть, моим посланием из потустороннего мира...

Шел Седьмой день Боли. Под Болью я подразумеваю не боль от удара молотком по пальцу или от просмотра фильма «Девять ярдов 2». Я пишу слово «боль» с большой буквы, потому что это была самая ужасная Боль, которую я когда-либо испытывал; это был платоновский идеал боли, ее эталон. Считается, что самая страшная боль — это боль при родах. Так вот, это была самая ужасная боль, какую можно себе представить, с той лишь разницей, что в конце ты не испытываешь радости оттого, что держишь на руках новорожденного.

Да, наверное, это был Седьмой день Боли, но также и Десятый день Неподвижности... Если вы понимаете, о чем я... А я вот о чем: за десять дней из меня не вышло ни грамма дерьма. Что-то пошло не так, совсем не так... Это не была тупая пульси-

рующая боль, похожая на головную; это была даже не пронзительная колющая боль, как при панкреатите (а он у меня был, когда мне было тридцать). Это была совсем другая Боль. Мне казалось, что меня вот-вот разорвет и что мои внутренности пытаются вырваться наружу. От этой Боли так просто не отмахнешься.

А еще — звуки. Боже мой, какие звуки! Обычно я веду себя как довольно тихий, замкнутый парень. Но этой ночью я орал во все горло. Иногда по ночам, когда на Голливудских холмах все машины уже припаркованы на ночь, а ветер дует с определенного направления, можно услышать ужасающие вопли: это койоты заживо рвут кого-то на части. Сначала, правда, кажется, что это где-то далеко звучит детский смех, но потом ты понимаешь: это предсмертные крики. Но, конечно, хуже всего тот момент, когда крики прекращаются и ты понимаешь, что тот, на кого напали койоты, уже мертв. Это ад...

И да, ад существует. Не верьте тому, кто скажет, что ада нет. Я сам там побывал. Ад есть — и точка!

В ту ночь животным, которого рвали на части, был я. Я кричал и кричал, потому что изо всех сил боролся за жизнь. Молчание означало конец. И я не знал, насколько был близок к концу.

В то время я жил в доме для «завязавших» где-то в Южной Калифорнии. Не удивляйтесь — я полжизни прожил в разных реабилитационных центрах и отрезвиловках. Прекрасно, когда тебе при этом двадцать четыре года, хуже — когда сорок

два. А мне уже было сорок девять, и я никак не мог избавиться от вредной привычки — вцепившейся в меня зависимости.

К этому времени я знал о наркомании и алкоголизме больше, чем любой из коучей и большинство врачей, которых я встречал в этих учреждениях. К сожалению, такое знание ничего человеку не дает. Если бы счастливый билет до трезвости можно было получить тяжким трудом или сбором информации, то пьянство быстро стало бы легким, хотя и неприятным воспоминанием. Я же для того, чтобы просто выжить, превратился в профессионального пациента... Не буду ничего приукрашивать: в свои сорок девять лет я все еще боялся оставаться один. Оставшись в одиночестве, мой безумный мозг (кстати, он безумен только в этой области) всегда найдет какой-нибудь предлог для того, чтобы нарушить запрет и выпить алкоголь или принять наркотики. Помня о том, что несколько десятилетий моей жизни были разрушены этим занятием, я боюсь, что это повторится. Мне не страшно выступать перед двадцатью тысячами человек, но посадите меня одного на диван перед телевизором, оставьте на ночь, и мне станет страшно. Этот страх исходит от меня самого; я боюсь собственных мыслей; я боюсь, что мой разум побудит меня обратиться к наркотикам, как это уже бывало много-много раз. Мой разум хочет убить меня, и я знаю это. Я все время охвачен затаившимися одиночеством и тоской, я все время цепляюсь за мысль о том, что меня исправит что-то, пришедшее извне. Да у меня уже было все, что могло бы меня исправить, но...